

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ (ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ) СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В.И. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается проблема конституционной модернизации политико-правовой (демократической) системы Российской Федерации; обосновывается актуальность такой задачи и возможные направления ее практического решения. Необходимое научно-правовое содействие конституционной трансформации должно учитывать реалии глобального кризиса миропорядка.

Ключевые слова: политико-правовая система, конституционная модернизация, мобилизационное законодательство.

В период резкого обострения геополитического противостояния России и условно-коллективного Запада отечественному правоведению целесообразно дистанцироваться от политологических и публицистических прогнозов и сосредоточиться на разработке нетривиальных нормативно-конструкционных решений. Концептуально и методологически корректной базой для этого выступает конституционное правопонимание, представленное, в том числе, теориями конституционного правопользования [10, с. 40–42] и конституционализации права [8, с. 26–31]. Идея конституционализации проецируется на всю национальную правовую систему (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) вплоть до политической сферы [3, с. 278–281], что позволяет говорить уже о политико-правовой системе Российской Федерации. Поскольку легитимные ресурсы конституционализации ограничены потенциалом Конституционного Суда РФ, прерогативой юридической науки становится участие в смежном процессе конституционной модернизации, в форме не претендующих на конституционную истину обоснований оптимальных нормативных моделей общественной жизни и алгоритмов их практического утверждения. Принципиально корректирует вектор таких исследований актуальный проект мобилизационной трансформации, в связи с которым формат обозначенного соучастия предполагает доктринальное соотнесение с новыми научными представлениями о предмете метаотрасли конституционного права, хотя категория политико-правовой системы в легально-правовой тезаурус номинально не входит [7, с. 7–9].

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Конституция РФ как общий источник национального права является суверенным эталоном и критерием всего *правового* (выделено мной – В.И.), а значит и тех, обозначенных в ее Главе 1 характеристик и основ конституционного строя российского государства (далее – основы государственности), которые не очевидны для конкурирующих идеологем и учений. Кроме того, важно учитывать, что специфика российской конституционной реформы 2020 г. [16] обусловила формально-содержательную и смысловую экстраполяцию ряда основ государственности в положения других глав Конституции РФ. В этой связи уместно задуматься, в частности, о том, каковы *конституционные* (выделено мной – В.И.) ресурсы легитимации представительного (демократического) народовластия, при каких неформальных условиях производная от народа (демократическая) публичная власть остается *конституционной* (выделено мной – В.И.), какие институциональные версии и функциональные алгоритмы допускает российский *конституционный* (выделено мной – В.И.) федерализм. Особенным образом применительно ко всем поставленным вопросам – в реалиях и перспективе мобилизационной модернизации и федеративного «приращения» России – возрастает требование *экономической состоятельности* (выделено мной – В.И.) демократического властвования. При этом, безусловно, без какого-либо умаления верховенства права, в его императивах конституционного взвешенного признания, соблюдения, защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно значимых ценностей, а также принципа федеративного единства социальной политики.

Обоснованность экономических категорий и оценок для конституционной теории политико-правовой системы предопределяется общим междисциплинарным форматом современных гуманитарных исследований. Целеполагание экономической состоятельности («себестоимости» и «рентабельности») актуально для всех ветвей власти. Демократии как одной из основ государственности России нельзя отказать в значении конституционной ценности. Однако это не дает права апологетам сугубо западного (либерального) восприятия демократии отвергать любые сомнения в надлежащем выражении фактически утвердившейся за последние десятилетия «цены-качества» соответствующих институтов и практик. Тем более на фоне выраженной деградации их «аутентичных образцов» в странах Запада [13], и когда Россия вынуждена «сосредотачиваться» под воздействием известных внешних и внутренних факторов и вызовов. Конституционная справедливость и конституционное равенство предполагают, что экономическое бремя подобных издержек не может вести к снижению качества жизни исключительно народа, на фоне «заслуженно-гарантированного» благополучия его власть предержащих представителей. Такое благополучие, как и любое иное в правовом и

социальном государстве, должно быть *заработано* (выделено мной – В.И.). Поскольку в своем персонально-деятельном выражении публичное властвование на профессиональной основе есть форма (способ) осуществления конституционного права на использование своих способностей к труду (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) [17], а эквивалентная (конституционно-справедливая) оценка и финансовое обеспечение такого труда должны подтверждаться (находить выражение) в его результатах.

Претендуя на содействие конституционной модернизации демократии в России, неправильно отталкиваться от политологической и социологической критики фактических и (или) декларируемых изъянов. Для эмоционального отображения множества примеров деформаций такого рода достаточно жанра «научных очерков» [4, с. 27–33 и др.]. Тогда как для продолжающих подобные обзоры выводов о том, что «у демократии как социального института и инструмента имманентных изъянов и пороков нет и вряд ли могут быть», и потому науке права следует сосредоточиться не на критике демократии, а на проблемах ее «имитационной реализации» публично-властными и управленческими структурами [4, с. 44], – нужны обоснования не обыденные и единомышленники «научно рукопожатные», а не персонажи несистемной оппозиции (К. Собчак и др.). В этой связи не лишне подумать и о конституционной состоятельности российской юридической науки как готовности к ее ответственному, а не *имитационному* (выделено мной – В.И.) возвращению на почву национальной духовно-консервативной традиции.

Ученым-юристам и преподавателям вузов, пребываемым (вместе со студентами) в «правильном дискурсе», наполненном цитатами из Т. Джефферсона, А. Токвиля, Ф. Хайека и – в особенности – Ф. Фукуямы, усомниться в имманентной прогрессивной правильности демократии, действительно, вряд ли получится. Дело, однако, в том, что конституционализм и демократия отнюдь не «близнецы-братья» (В.В. Маяковский). И, думается, ученые-юристы, признающие, что демократия есть, прежде всего, легальная «технология обретения и осуществления государственной власти меньшинством с помощью большинства, но далеко не всегда в интересах и во благо большинства» [6, с. 27–31], – читали более «нужные» (В.С. Высоцкий) для конституционного правопонимания книги. Как, например, философско-правовые труды К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, Л.А. Тихомирова. И потому, они хотя бы «не отмахнутся» от научной метафоры К.П. Победоносцева о демократии как «великой лжи» (и) нашего времени. И задумаются о суровом следовании из этой методологической пропозиции: «Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и

поколений» [12, с. 264–265]. «Купировать» названную ложь можно только посредством конституционной – открытой и обоснованной – легитимации демократии как правления лучших.

Современная демократия, как известно, претендует и на такой атрибут правовой государственности, как неотчуждаемые политические права и свободы граждан (ст. 1 (ч. 1), 2, 17, 18, 31–33 Конституции РФ). Причем претендует *всецело* (выделено мной – В.И.), что как раз и должно быть поставлено под сомнение. Во всяком случае, конституционная модернизация института и механизма учредительной легитимации демократической власти (свободных выборов), далеко не исключает принципиальную перенастройку. Популярное мнение о совершенствовании избирательного законодательства как панацее для приближения демократической власти к конституционному идеалу, не может сводиться на практике к юридико-техническим аспектам доработки традиционных (апробированных) моделей. Поиск новых подходов и решений в данном направлении также нуждается в онтологической корректировке и согласовании с критерием конституционной состоятельности и целью экономической оптимизации. При этом нельзя закрывать глаза и на кардинальные изменения в структуре общественного сознания и укладах жизни современных людей. Но прежде всего, придется признать, что *и в России* (выделено мной – В.И.) воспроизводство и перераспределение властных ресурсов решающим образом происходит сегодня посредством неформальной консолидации политических элит, также отмеченных космополитическими признаками ментального нарциссизма. «Железный закон олигархии» Р. Михельса [11, с. 544–545], проще «не знать», чем «отменить». Однако первое научная юриспруденция позволить себе не вправе. Остается верить, что реальный конституционализм позволяет исключить крайние (неконституционные) проявления одиозного закона. В том числе, опираясь на невероятные в эпоху выработки технократических теорий цифровые технологические ресурсы.

Исходя из наличия в политико-правовой системе России легального и даже опережающего зарубежные достижения субинститута цифровой (электронной) демократии, в особенности же – в перспективе его адаптации к мобилизационной «повестке дня», полагаем, пришло время озаботиться разработкой законодательных конструкций, позволяющих оперативно выявлять консолидированное электоральное мнение о проявлениях конституционно неадекватного восприятия народными представителями своей «элитарной миссии». И затем – по мере цифровой верификации – оперативно транслировать подобные «резюми» в механизм конституционных ограничений принципа свободного мандата в его соотношении с основными политическими правами, закрепленными в ст. 32 (ч. 1 и 2) Конституции РФ [19]. Во всяком случае, сетевые публичные страницы («паблики») и цифровые платформы

вполне могут быть «настроены» на подобные цели и их реализацию посредством актуализации юридических обязанностей депутатов (принципиально связанных только Конституцией РФ и своей совестью). Обязанностей, хотя бы и обусловленных общим требованием ответственного реагирования власти на доводы и выводы общественного мнения, но уже вполне конкретных, например, в версиях общедоступного персонального официального объяснения или отчета «о проделанной работе». Даже в факультативном по своему юридическому значению варианте (что отнюдь не обязательно) подобные инновации могут существенно повлиять на достоверность бремени конституционной ответственности народных избранников, причем без выхода на гипотетическую стадию традиционных форм не- и переизбрания.

Любое правовое отношение (коммуникация) носит, как известно, представительско-обязывающий характер для его субъектов. В негативном аспекте это касается и юридических издержек (дефектов) отношений между демократическими избранниками и избирателями. Экспансия виртуальной коммуникации неуклонно ведет к фактическому доминированию в электоральной среде диджитал пассионариев, носителей масскультурных клише (включая «лидеров общественного мнения»), искренне полагающих плодами личностного самоопределения «мягко» вмененные им пропагандой и контрпропагандой политические оценки и выводы. В такой ситуации конституционная теория права не может игнорировать доводы социальной философии о рисках расчеловечивания под воздействием идеологии потребления и трансгуманизма. Не вправе юридическая наука оставлять без внимания и примеры критической уязвимости цифровых избирательных инноваций для политически рекрутированных (на возмездной основе) хакеров. Пренебрежительное или скептическое отношение к названным факторам чревато дискредитацией титула правового государства. Реальная демократия в России предполагает конституционно взвешенную дифференциацию правовых режимов избирательных кампаний и правовых статусов их участников. Формальное равенство политических прав и свобод будет приобретать подлинно конституционное значение по мере наполнения механизма пользования ими элементами культивирования «духовного аристократизма», в смысле философии права И.А. Ильина и юридической феноменологии Н.Н. Алексеева [14, с. 14–24]. Творческий горизонт подобных решений чрезвычайно широк. Например, это могут быть гуманитарно-образовательные цензы для избирателей или содержательно «открытая» (общедоступная) и безупречная в политическом, правовом и этическом измерениях история (бэкграунд) для кандидатов на властные должности и посты. Ключевым же элементом конструкций, опосредующих позитивные избирательные права российских граждан и их притязания на публичную службу, на

долгие годы должно стать деятельно проявленное патриотическое отношение претендентов к конституционному долгу и обязанности защиты Отечества, несению военной службы (ч. 1 и 2 ст. 59 Конституции РФ).

Выходя за рамки учредительной и статус-легитимирующей проблематики, отметим, что современная юридическая наука все более склоняется к коренному переосмыслению конституционного значения, роли и функций парламента как в системе (композиции) властных институтов («ослабление позиций»), так и в перспективе интенсификации электронного диалога с институтами гражданского общества (при «парадоксально» низкой популярности народных избранников). Понятиями «эрозии» и «рационализации парламентаризма» охватывается широкий круг объективно предопределенных изменений и тенденций, которые следует оценивать без излишних («негативных») эмоций, учитывая в комплексных планах актуальной модернизации представительных органов власти [15]. В федеративных и глубоко децентрализованных государствах это касается и «региональных парламентав» (и их аналогов).

Проблема оптимизации экономических издержек федеративной демократии отчасти затрагивалась мною применительно к целесообразности эволютивной корректировки задач и параметров деятельности законодательных (представительных) органов власти в субъектах Российской Федерации [9]. Присущие данной сфере издержки были увязаны с недооценкой тенденции и следствий внутренней динамической стабилизации конституционного федерализма. Рекомендации по предупреждению конституционно несостоятельного (паллиативного и компетентно-некорректного) регионального законодательства выработывались с акцентом на ресурсы цифровизации, исходя из того, что разработка и принятие субфедеральных законов имеет вполне определенную (исчисляемую) совокупную и условно-конкретную (средневзвешенную) «цену». Последняя включает и федеральную «стоимость» актуальной нормоконтрольной и конституционной сертификации и нуллификации таких актов. Однако экономически логичный вопрос о «материальной конституционной» ответственности законодателя за допущенный брак в юридической литературе по-прежнему не ставится. Без ответа, к сожалению, осталось и приглашение к научному диалогу о конституционных пределах трансформации российского федерализма.

Проведенные на комплексной эмпирической базе профильные теоретико-правовые исследования обнаруживают, что в настоящее время различия между такими формами территориального устройства, как федерация и регионалистское государство носят символический характер [5, с. 160–165]. Тогда как издержки институционализации двух названных форм разнятся существенно, а купировать риски

центробежных тенденций в федерации значительно труднее, в особенности, когда в фокусе внешней деструкции оказывается конституционный суверенитет [1, с. 368]. Тем не менее мы не предполагаем номинального переопределения конституционной композиции государственного устройства России как федерации, поскольку такое возможно исключительно в силу отказа от самой Конституции РФ, ценность и уникальность которой выражается, в том числе, в широкой инвариантности содержания потенциально генерируемых ее текстом внутренних правовых форм, включая основы государственности. Как следствие, конституционная техника правотворчества позволяет разрабатывать нормативные конструкции, которые будут выражать экономически оптимальные образцы регионального (по сути) публичного властвования в номинации власти субъекта РФ. Исходя из того, что Конституция РФ недвусмысленно утверждает собственное верховенство и высшую юридическую силу, а равно и федеративное верховенство федеральных законов без каких-либо изъятий, допускающих, хотя бы гипотетически, снижение уровня федеральных гарантий конституционного правопользования [20]. При том, что каждый субъект РФ вправе установить в своем законе дополнительные (включая косвенно-регулирующие) гарантии прав человека, направленные на конкретизацию основных (федеральных) гарантий, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий) и с соблюдением общих конституционных требований [21].

Приведенные доводы показывают известную «иерархическую соподчиненность» конституционных основ государственности. Федерализм как таковой решающего приоритета в этой композиции не имеет. И в том состоит один из признаков его конституционной достоверности. В еще большей степени это характерно для муниципального уровня конституционной демократии [18], включая едва ли не все ее вариативные формы [2]. Поэтому даже объективно обусловленное экстенсивное расширение поля нормотворческой практики в условиях применения в отношении Российской Федерации специальных экономических мер (санкций), введения и действия специальных (локально-территориальных) правовых режимов и временно установленных уровней террористической опасности, — исключает альтернативные или диспозитивные версии разграничения предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, а также появление на субфедеральном и муниципальном уровнях власти нормативных конструкций опосредования прав и свобод человека и гражданина, не отмеченных признаками достоверной необходимости. Более того, есть основания говорить о выраженных признаках иной тенденции: перехода — под эгидой тренда мобилизационного законодательства — к нормотворческой стратегии и модели, в которой

приоритет получает скорее унифицированное, характерное для децентрализованного унитарного (регионалистского) государства взаимодействие высших органов представительной и исполнительной власти, причем не только по линии вертикального наращивания делегированных полномочий, но и в необычном («челночном») алгоритме их взаимодействия. Представительная демократия, тем самым, раскрывает свое функциональное значение как ресурса, конституционно адаптируемого к масштабным и экстраординарным потребностям обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Утвердится ли инновационный правотворческий подход в значении доминирующего, как долго деструктивные внешние факторы будут того требовать, сможет ли российская экономическая и социальная система окончательно переориентироваться на многополярную диспозицию и когда, – для юридической теории и практики, как бы то ни казалось странным, не так уж важно. Важнее другое: фактическое прояснение каждого из названных обстоятельств не касается правоты гипотезы о принципиальной возможности и актуальности модернизации политико-правовой (демократической) системы России, а значит и не препятствует необходимому научному содействию такому движению в направлении, намечаемом сквозь призму национально-культурной идентичности России.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. 864 с.
2. Антонова Н.А. Вариативность форм осуществления как принцип организации местного самоуправления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 3 (71). С. 40–46.
3. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 528 с.
4. Власенко Н.А. Современное российское государство. Очерки. М.: Норма, 2022. 152 с.
5. Иванов В.В. Теория государства. М., 2010. 269 с.
6. Керимов А.Д. Современное государство. Вопросы теории. М., 2007. 142 с.
7. Крусс В.И. Вектор конституционализации: российское правоправедение на пути к идентичности // Юридическая наука и практика. 2019. Том 15. № 2. С. 5–19.
8. Крусс В.И. Конституционализации права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 240 с.
9. Крусс В.И. Конституционный федерализм и состоятельность субфедерального законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 31–35.
10. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.

11. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии [Фрагменты] // Политология: Хрестоматия / Сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М., 2000. 843 с.

12. Победоносцев К.П. Сочинения / Вступ. ст. и примеч. А.И. Пешкова. СПб., 1996. 509 с.

13. Путин В.В. Выступление на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/>.

14. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд. М., 2010. 670 с.

15. Фоскулле А. Эрозия парламентской системы в Федеративной Республике Германии // Конституционный суд как гарант разделения властей: сб. докладов. М., 2004. 286 с. С. 220–221.

16. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. 240 с.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.04.2013 г. № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2008 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2003 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

THE POLITICAL AND LEGAL (DEMOCRATIC) SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: RELEVANCE AND DIRECTIONS OF CONSTITUTIONAL MODERNIZATION

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The problem of constitutional modernization of the political and legal (democratic) system of the Russian Federation is considered; the relevance of such a task and possible directions of its practical solution are substantiated. The necessary scientific and legal assistance to constitutional transformation should take into account the realities of the global crisis of the world order.

Keywords: *political and legal system, constitutional modernization, mobilization legislation.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Политико-правовая (демократическая) система Российской Федерации: актуальность и направления конституционной модернизации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 45–54.